

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XVII

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

А. Х. Рафигов

ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОКА В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

Говоря о Петре I как о выдающемся государственном деятеле, нельзя не отметить его роль в установлении политических и экономических связей России со странами Востока. Петр I стремился укрепить позиции России на Востоке, сделать ее посредником в торговле между Востоком и Западом. Выполнение этой задачи требовало прежде всего установления нормальных дипломатических отношений со странами Востока, изучения их экономики, политики и культуры. Так, Петр I неоднократно посылал туда дипломатические и духовные миссии, организовал караванную торговлю с Китаем.

Еще по Нерчинскому договору 1689 г. между Россией и Китаем купцам обеих стран было разрешено «приезжать и отъезжать для своих дел и для покупки и продажи товаров» [1, 63], а в 1698 г. в Китай был отправлен и первый казенный караван. В «паспорте», выданном Петром I комиссару каравана, говорилось, что разрешается «купить всяких потребных китайских товаров; сего ради его богдыханова величества китайскаго дружно просим... того комиссара нашего с казною и со всеми при нем будущими людьми и вещами через границы китайския и во град Пекин свободно и со вспоможением пропустить и тамо позволение ему, пока он те посланные с ним вещи повольною ценою продаст или променит и тамошние... товары искупить возможит, и оные ему свободно и вывезть» [15, 159].

В 1714 г. Петр I, отправляя в Китай первую духовную миссию во главе с архимандритом Иларионом Лежайским, включил в ее состав семь студентов, которые должны были изучить китайский язык и ознакомиться с религией и обычаями китайцев. Миссия пробыла в Пекине с 1716 по 1719 г. Поскольку на миссию, по-видимому, не были возложены дипломатические обязанности, в том же, 1719 г. в Китай было отправлено особое посольство, состоящее из светских лиц и возглавлявшееся гвардии капитаном Львом Измайловым. Секретарем был назначен Лоренц Ланг, занимавшийся изучением китайской науки и литературы и много сделавший для пополнения китайского фонда библиотеки Академии наук. Посольство Л. Измайлова должно было добиться согласия китайского правительства на учреждение в Пекине русского консульства, но не достигло своей цели. Однако Петр I, стремясь наладить с Китаем нормальные дипломатические и торговые отношения, начал готовить новое посольство во главе с опытным дипломатом С. Л. Владиславичем-Рагузинским. В состав посольства снова был включен Лоренц Ланг. Это посольство было отправлено уже после смерти Петра I, в конце 1725 г.

Вместе с Рагузинским прибыли в Китай ученики Московской духовной академии Лука Воейков, Федор Третьяков и Иван Пухатр и присоединившиеся к ним в Иркутске ученики Монгольской школы Герасим Шульгин, Иларий Россохин и Михаил Пономарев.

Согласно Кяхтинскому договору, подписанному С. Л. Рагузинским в 1727 г., Россия добилась права иметь в Пекине постоянную православную духовную миссию с возложением на нее дипломатического представительства. В ст. 5 этого договора говорилось: «Для русских в Пекине выстроить дом, в котором будут жить трое священников и шесть учеников для узнания китайского языка». Лука Воейков и его товарищи стали первыми учениками этой миссии. Они числились в ведомстве коллегии иностранных дел и получали жалованье по 200 рублей в год и проездные деньги по 50 рублей [3, 169]. Русская духовная миссия, начав свою деятельность по указу Петра I, подготовила немало переводчиков с китайского и маньчжурского языков. Первые русские китаеведы вышли именно из этой миссии.

Необходимо отметить, что для успешного ведения торговли и выполнения дипломатических поручений Петру I нужны были люди, знающие восточные языки. Так, в указе от 18 июня 1700 г. он подчеркивал, что на вакантную должность сибирского митрополита необходимо назначить «пастыря не только доброго и благаго непорочнаго жития, но и ученаго, который бы при том в помощь себе взял в Сибирь несколько образованных, способных изучить языки китайский и сибирских инородцев» [цит. по: 3, 167].

В то же время Петр I принимал меры и по организации изучения японского языка. По его указу от 16 апреля 1702 г. в Приказ артиллерии был направлен японец по имени Денбей, потерпевший кораблекрушение у берегов России и проживавший на Камчатке, «а как он, Денбей, русскому языку и грамоты изучится,—повелевал Петр I,—и ему, Денбею, учить своему японскому языку и грамоте ребят чело-век четырех или пять» [14, 55—56].

В 1711 г. во исполнение распоряжений сената с Камчатки в Якутск, а оттуда в Петербург был отправлен еще один японец, по имени Санима, тоже потерпевший кораблекрушение. Он прибыл в столицу в 1714 г. и был назначен помощником Денбея [3, 158, 15, 56]. После смерти Денбея и Санимы учителями японского языка стали еще два японца, попавшие в Россию таким же путем, как Денбей и Санима.

Указом Синода 1724 г. предписывалось открыть при Вознесенском монастыре в Иркутске школу сначала для изучения монгольского языка, а вслед за этим и китайского [3, 173]. В указе говорилось, что школа открывается «для распространения православной веры в Сибири и для сношения с соседями» [3, 181].

Понятно, что значительно больше внимания на Востоке Петр I уделял Персии. Торговля с ней для России представляла особую важность. Через Россию проходил торговый путь Запада в Персию, и, кроме того, именно русским купцам еще в 1664 г. персидский шах Аббас II предоставил право свободной торговли во всех персидских городах. Наконец, Петр I надеялся, используя связи с Персией, расширить русскую торговлю на Востоке. В 1715 г., отправляя посланником в Персию А. Волынского, он поручил ему узнать, «не возможно ли через Персиду учинить купечество в Индии, и о том пути и о торгах, какие у них индийцев с персами обретаются и какие товары им потребны и от них вывожены быть могут» [15, 200]. В январе 1716 г. сенатским указом к Волынскому были посланы пять учеников из Московской духовной академии для изучения турецкого, арабского и пер-

сидского языков. Петр I хотел избавиться от услуг персидских толмачей, подготовив своих переводчиков. В 1723 г. в Петербурге был подписан договор с Персией, который провозглашал установление постоянной дружбы и свободы торговли между обеими странами.

Из стран Востока наибольшее внимание Петра I привлекала Турция, дважды в течение его царствования воевавшая с Россией и представлявшая для нее постоянную угрозу. Необходимость постоянной готовности к новым столкновениям с Османской империей настоятельно требовала всестороннего изучения Турции, состояния ее экономики, вооруженных сил, знания законов и обычаев, культуры и быта. Большая заслуга в этой области принадлежит сподвижникам Петра I графу П. А. Толстому, князю Д. Кантемиру и С. Л. Владиславичу-Рагузинскому (турецкому подданному, бежавшему в Россию). С именами этих лиц связано появление у нас первых работ о Турции.

П. А. Толстой, находясь в Турции в качестве посла, с помощью С. Л. Рагузинского собрал ценные сведения о турецких владениях на побережье Черного моря. В этом труде, оставшемся в рукописи и названном автором «Списком со отписки и со описания, каковы посланы к великому государю из Константинополя от посла, ближняго стольника и наместника алаторскаго, Петра Андреевича Толстова 1707 году, февраля в 24 день», содержится «подробное географическое и статистическое описание всех городов и поселений турецких владений по берегам Черного моря» [10, т. 1, 222].

П. А. Толстой занимался и переводами. Хорошо зная итальянский язык, он перевел сочинение Рикардо «О настоящем состоянии Оттоманской империи» (у Пекарского — «История о настоящем управлении турецкой империи»). Эта книга осталась недопечатанной. М. Вандербех, работавший при Петре I главным начальником военных госпиталей в Санкт-Петербурге, писал следующее об этом переводе П. А. Толстого: «Многолетние наблюдения над этой страной (Турцией.— А. Р.) дали ему возможность сделать в своем переводе много замечаний и объяснений. Проницательнейший император, при своей жизни, удостоил прочтения это полнейшее в своем роде произведение» [2, 30—31].

Самым лучшим знатоком состояния дел в Турции в петровское время был князь Д. Кантемир, бывший господарь Молдавии, перешедший на сторону русских во время Прусского похода Петра I. С детских лет он жил в султанской столице. Кантемир прекрасно знал турецкий, арабский, персидский, греческий, итальянский и французский языки, а свои книги писал на латинском языке. Его перу принадлежат более десяти работ. Почти все они посвящены Турции, в том числе четырехтомная «История Оттоманской империи» на латинском языке, переведенная на европейские языки; «Книга систима, или Состояние мухаммеданския религии», написанная и изданная по повелению Петра I в переводе И. Ильинского. В «Книге систима...» изложены основные положения Корана, регулирующие общественную и семейную жизнь мусульман, подробно рассмотрены шариатские нормы, обряды и обычаи турок, приведены обстоятельные сведения о дервишских орденах, являвшихся очагами обскурантизма и фанатизма. В книге показано состояние науки и просвещения в Османском государстве, довольно много говорится о турецкой музыке, литературе и поэзии, о народных и религиозных праздниках.

«Книга систима...» была первой оригинальной работой о Турции, изданной в России по повелению Петра I. С полным основанием можно утверждать, что князь Д. Кантемир является первым тюркологом в России, что именно он положил начало научному изучению Турции.

Не случайно он был избран членом Берлинской академии. Так, М. Вандербех писал: «То, что он сделал, не даст ему умереть и за гробом продлит его жизнь... Его произведение всегда будет иметь цену» [2, 31]. Научная деятельность Кантемира проходила под постоянным покровительством Петра I. Не без участия Кантемира, надо полагать, «повелением царского величества» в 1716 г. был издан на русском языке Коран под названием «Алкоран о Магомете, или Закон турецкий», переведенный с французского П. В. Постниковым (который пользовался переводом А. Дю Риэ, напечатанным во Франции в 1647 г.) [8, 176].

Надо сказать, что Петр I, стремясь распространить научные знания в России, много сделал для перевода на русский язык научно-популярных сочинений европейских ученых, посвященных, в частности, Востоку, и особенно Турции. По приказу Петра I братья Лихуды, жившие в Новгороде, перевели с итальянского на русский язык сочинение Сигизмунда Альбергера «Об артиллерии и способах победить турок на море» [10, т. 1, 216]. В 1725 г. П. А. Толстым был завершён перевод с польского книги бывшего секретаря английского посольства в Турции Пауля Рикота «Монархия турецкая...» [7, 223], но эта книга осталась в рукописи и была напечатана только в 1741 г. [7, 105].

Всячески поощряя изучение Турции, Петр I в то же время не забывал о практическом применении приобретенных знаний. Так, готовясь к Персидскому походу, царь поручил князю Кантемиру оборудовать и возгласить походную типографию¹ с арабским шрифтом, при помощи которой можно было бы напечатать на турецком языке, понятном населению Закавказья, царский манифест о предстоящей войне. «Манифест» Петра I был напечатан по пути в Астрахань под руководством Кантемира, который, по-видимому, был и его составителем². В своем донесении от 14 июля 1722 г. кабинет-секретарю Макарову Кантемир просил узнать у Петра I, достаточно ли 1000 экземпляров «Манифеста», будет ли он подписан, указывать ли в нем дату и место напечатания [10, т. 2, 653].

«Манифест» Петра, датированный 15 июля 1722 г., распространялся в Дербенте, Шемахе и Баку. В нем излагались причины и цели войны, мусульманам предлагалось оставаться на месте, не помогать противнику, давались заверения в том, что население не будет притесняться, если будет лояльно относиться к русской армии.

«Манифест» Петра I является первым произведением, напечатанным арабским шрифтом в России. Однако арабский шрифт, отлитый по приказу Петра, мог быть использован в то время только для печат-

---

¹ Как сообщает переводчик Д. Кантемира И. Ильинский, князь, выполняя приказ Петра I, ездил 1 апреля 1722 г. «в Преображенское, и тогда же велено на турецкие литеры делать пунсоны» [10, т. 2, 652]. Арабский шрифт был отлит пунсонным мастером, приглашенным из Голландии, где книгопечатание арабским шрифтом было введено еще в первой четверти XVII в. В походной типографии был один печатный станок, до 50 пудов различных литер (арабских, латинских, греческих); персонал состоял из одного пунсонного мастера, наборщика и пяти мастеровых [12, 123].

² В приведенном Пекарским архивном документе говорится, что имеется «копия манифеста с турецкого на латинский, а с латинского на русский от слова до слова переведенного» [10, т. 2, 578]. Речь здесь идет, конечно, не о копии, а о первоначальном тексте манифеста. По-видимому, перевод на русский и турецкий языки был сделан с латинского оригинала (иначе невозможно объяснить появление текста на этом языке). Но именно на латыни, как уже упоминалось, писал свои сочинения Кантемир. По сведениям Пекарского, «Манифест» был напечатан и на персидском языке [10, т. 1, 250], но он нигде не обнаружен. Ничего не известно и о других изданиях походной типографии. По окончании войны все типографское оборудование и шрифты были возвращены в Московскую типографию. Печаталось ли там что-либо арабским шрифтом, неизвестно.

тания царских указов, манифестов и прокламаций. Говорить о применении арабского шрифта в интересах просвещения мусульманского населения России не приходится, так как для этого еще не было условий. Такая возможность появилась лишь во второй половине XVIII в.

Петр I не забывал и об обучении русских турецкому языку. 28 августа 1724 г. во исполнение указа царя сенат приказал «для посылки в Царь-град ради обучения турецкого языка выбрать... из учеников Московской Академии четырех человек... выдать им на проезд и для тамошняго их житья и на дачу учителем каждому на первый год по двести рублей человеку, а впредь повсягодно, пока они тамо совершенно обучатся, отдавать в Иностранную Коллегию для отсылки к ним из Штатс же Канторы по сту рублей на год каждому» [4, 28—29].

Деятельность Петра I, направленная на всестороннее изучение Востока, не ограничивалась перечисленными выше мероприятиями. Будучи ревностным собирателем древних памятников материальной и духовной культуры, Петр I в 1718 г. издал особый указ о доставлении в Кунсткамеру предметов древности. В этом указе говорилось: «Ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи... старые надписи на камнях, железе или меди, или какое старое, необыкновенное оружие, посуду и прочее, все, что зело старо и необыкновенно,— такожь бы приносили, за что будет довольная дача» [11, 598]. Во исполнение этого указа со всех концов России в Кунсткамеру поступали различные древние предметы, монеты, в том числе восточные. Я. Штелин сообщает, что среди драгоценных предметов были японские, китайские и индийские кинжалы с золотыми рукоятками знатных татарских князей, выкопанные по царскому повелению в курганах в Сибири времен Чингиз-хана и Золотой орды [16, 488]. Об этом имеется указание и М. Вандербега. «Даже из самой Сибири,— писал он в письме к другу,— ежедневно прибывают греческие и римские тени, которые по любви к древностям, откапываются жителями в могилах их предков» [2, 23].

Немецкий резидент Ф. Х. Вебер, посетивший Кунсткамеру и Императорскую библиотеку в 1716 г., отмечал, что видел там древности, найденные у Каспийского моря, которые состояли «из всякого рода жертвенной утвари и ветхих, но разборчивых еще рукописей на пергаменте... и ученый, сведущий в древних восточных языках, в древностях и мифической теологии, будучи допущен к изучению этих сокровищ, может многие разъяснить для всего ученого мира» [6, 1420].

Петр I, требуя, чтобы эти памятники бережно хранились и изучались, сам положил начало их изучению. По его указанию один из свитков неизвестных рукописей, доставленных из Сибири, был послан с директором библиотеки Шумахером в Парижскую академию (почетным членом которой состоял Петр I) для перевода (в Петербурге в то время этого сделать никто не мог). Просьба Петра I была выполнена королевским переводчиком ориенталистом Мишелем Фурмоном, за что последний был вознагражден³.

Большую роль в становлении востоковедения в России сыграла организованная Петром I экспедиция в Сибирь доктора Д. Г. Мессершмидта (1685—1735)⁴. В Тобольск Д. Г. Мессершмидт прибыл в апре-

---

³ М. Фурмон, полагая, что рукопись на тангутском языке, «сделал вымышленный перевод» [16, 218—222]. Это было установлено при Анне Иоанновне русскими переводчиками, обучающимися китайскому и маньчжурскому языкам в Пекине. Оказалось, что рукописи, присланные Петру I из Сибири, были на маньчжурском языке.

⁴ Д. Г. Мессершмидт занимался в Данциге медициной, знал восточные языки. Петр I обратил на него внимание, когда в 1716 г. находился в Данциге, и заключил с

ле 1720 г. В письме к князю Черкасскому, сибирскому губернатору, он сообщал, что приехал с царским поручением собирать «к древности принадлежащая вещи... древняя калмыцкая и татарская письма и их праотеческия письма; также каменные и кружечные могильные образы» [10, т. 1, 353].

В Тобольске Д. Г. Мессершмидт встретился с пленным шведским офицером И. Ф. Таббертом-Страленбергом. Последний во время частых поездок собрал материалы, позволившие ему составить карту Сибири и написать известное сочинение о России «Северная и Восточная часть Европы и Азии», изданное в Стокгольме в 1730 г. С этим ученым Мессершмидт совершил путешествие из Тобольска на юго-восток к калмыцким и монгольским границам [10, т. 1, 354—355].

Надо сказать, что Д. Г. Мессершмидт для отыскания древностей широко привлекал пленных шведов. Ими была найдена, между прочим, неизвестная до того времени науке рукопись Абулгази Бахадур-хана «Родословное древо тюрков» («Шеджере-и тюрк»). Рукопись была прислана в Петербург Мессершмидтом «вместе с несколькими мусульманско-богословскими [книгами] и немалозначительным собранием древностей и монет» [13, 127] и привлекла внимание известного историка В. Н. Татищева, который обращался к Шумахеру с просьбой организовать ее перевод наряду с другими рукописями. «Мне же оныя для изъяснения русской гистории весьма нуждны... иногда читая, могу неясности или сумнительства во оных от русских, польских и татарских гисторий изъяснить», — писал он [9, 492].

Пекарский сообщает, что в бумагах Мессершмидта было обнаружено написанное им по-монгольски поручение ламе Карабанди доставать монгольские, тунгусские и китайские рукописи. Поручение это было выполнено, о чем свидетельствует, по словам Пекарского, имеющееся в делах Мессершмидта донесение ламы, написанное на монгольском языке [10, т. 1, 359].

В результате деятельности Мессершмидта было собрано значительное количество памятников материальной культуры и восточных рукописей, пополнивших коллекции Кунсткамеры и библиотеки. Так стараниями Петра I в Петербурге постепенно накапливались драгоценные материалы для научного изучения Востока.

Путешествие Мессершмидта, отправленного Петром I для изучения Сибири, можно назвать первой русской научной экспедицией в Азию. Перед ним были поставлены не только практические, но и большие научные задачи, которые были успешно выполнены.

Петр I проявлял большой интерес к древневосточным памятникам и заботился об их сохранности. Любопытен в этом отношении эпизод, имевший место в 1722 г. в Казани, куда он прибыл, направляясь к театру военных действий Персидского похода. Узнав, что в 30 верстах от города находятся развалины столицы Волжско-Камской Болгарии — г. Булгара Великого, Петр I решил их осмотреть. Он обратил внимание на надгробные и настенные надписи, которые были сделаны на арабском, татарском и армянском языках, и тут же приказал с точностью списать и перевести их на русский язык, а потом отослать в Петербург в Кунсткамеру. Над переводами этих надписей, которых насчитывалось около 50, трудились армянин Иван Васильев, татары Кадир-Мухамед Сюнчалева и Юсуф Ишбулатов [13, 126—127; см. 16, 172—173]. Необходимо отметить, что в данном случае Петром I пре-

---

ним контракт. Мессершмидт обязывался ехать в Сибирь и заниматься географией и натуральной историей страны, описанием сибирских народов и их языками, памятниками и древностями [10, т. 1, 350—351].

следовалась определенная научная, а не практическая цель. Русский перевод этих надписей можно считать первым востоковедческим трудом, положившим начало восточной эпиграфике в России.

Заботясь о дальнейшей судьбе памятников столицы Булгарского государства, Петр I в июле того же, 1722 г. (уже из Астрахани) дал указание казанскому губернатору направить каменщиков для укрепления развалин. По распоряжению Петра губернатор должен был следить за состоянием памятников, для чего велел бы их каждый год осматривать, чтобы сколько-нибудь не допускать их до падения» [16, 173].

Во время Персидского похода Петра I сопровождали по крайней мере два востоковеда. По его поручению князь Кантемир занимался описанием древних стен кавказских крепостей, а К. Ф. де Патрон Боден — древностями и сравнительным языкознанием [10, т. 1, 350].

Интерес Петра I к Востоку сказался и на подборе книг для основанной им в 1714 г. общедоступной научной библиотеки. Петр I хотел, чтобы в ней были сосредоточены книги по всем отраслям знания и чтобы она была центром просвещения и служила базой для научных изысканий ученых. В создании первоначального книжного фонда библиотеки Петр I участвовал лично. По его указанию приобретались частные коллекции и покупались научные книги за границей. Одна из первых партий книг была привезена Петром из Курляндии. В ней, согласно каталогу, хранящемуся в Архиве АН СССР, насчитывалось свыше 30 названий ценнейших книг по Востоку. К ним относятся описание путешествий в Россию и Персию Адама Олеария (это сочинение, издававшееся много раз в Европе, при Петре I было переведено на русский язык) [10, т. 1, 339], описание путешествия в Японию Арнольда Монтаниуса, описания Африки, Сирии и Палестины, Азии и Китая известного голландского географа Ольферта Даппера, описание путешествия через Москву и Персию в Индию Корнелиуса де Бруина, а также его сочинение «Через Малую Азию» и др. Среди книг, поступивших из Курляндии, мы видим и атласы Меркатора, выдающегося фламандского картографа XVI в., и географические карты Азии и Африки, изданные в Париже Н. Самоном в 1652 и 1656 гг. Особо следует отметить сочинение австрийского дипломата Бусбека о Турции, вышедшее в Париже в 1646 г. и переведенное на многие европейские языки. Бусбек был одним из первых европейцев, сообщившим много нового о турках.

Большой интерес представляют «Медицинский канон» Авиценны, изданный в Венеции в двух томах в 1608 г. на латинском языке, и римское издание этого произведения на арабском языке, напечатанное в типографии Медичи в 1593 г.⁵ Последнее, по-видимому, следует считать первой арабской книгой, поступившей в Императорскую библиотеку.

Из исторических сочинений, находившихся среди книг, полученных из Курляндии, необходимо отметить «Историю Эфиопии», опубликованную в Париже в 1614 г., и «Историю великих везиров», вышедшую в Амстердаме в 1676 г. Обе книги напечатаны на французском языке.

В 1718—1719 гг. по распоряжению Петра I для пополнения книжного фонда Императорской библиотеки были приобретены частные библиотеки Виниуса, Питкейна, лейб-медика Арескина и др.

Значительное количество редчайших книг о Востоке было в книжном собрании Виниуса, переданном в библиотеку в 1718 г. В нем так-

⁵ ААН СССР, ф. 158, оп. 1, № 210, л. 7, 14, 32—36, 55.

же преобладают описания путешествий, и они почти все на голландском языке. Среди них были экземпляры уже упоминавшихся книг Олеария, Даппера, Монтаниуса, Бруина, а также «Северная и Восточная Татария» Н. Витсена, записки Избранта о путешествии в Китай, «Описание Малабара и острова Цейлон» Балдеи, «Путешествие в Турцию, Персию и Индию» Тавернье, книги о путешествиях в Сиам, на Арабский Восток и др.

В коллекции Виниуса были также Коран, напечатанный в 1664 г. в Нюрнберге на латинском языке, две работы Пауля Рикота: «Турецкая монархия», изданная в Риме в 1678 г. на польском языке, и «История трех последних турецких султанов», опубликованная в Амстердаме в 1684 г. [см. 10, т. 1, 208—209] ⁶.

В библиотеке Питкейна насчитывалось десять названий книг по Востоку. В числе их мы видим «Путешествие в Китай» Избранта на английском языке, изданное в 1706 г. в Лондоне, «Историю Турецкой империи» П. Рикота, опубликованную в Лондоне на английском языке в 1680 г., «Историю Индии» И. Массейя, напечатанную в Кельне в 1590 г., и др. Питкейн интересовался и восточной медициной. В его коллекции были, например, венецианское издание «Медицинского канона» Авиценны в двух томах и такие редчайшие книги на латинском языке, как «Египетская медицина», изданная в Венеции в 1591 г., и «Индийская медицина», опубликованная в Париже в 1646 г. ⁷.

В 1722 г. по распоряжению Петра I в Европе была закуплена новая крупная партия книг. Она содержала значительное количество новейших изданий, посвященных Востоку. Среди них были «Путешествие Олеариуса», изданное в Лейдене в 1719 г., «Путешествие по Персии и Восточной Индии» А. Манделсло, выпущенное в Лейдене в 1719 г., «История Византии», опубликованная в Париже в 1648 г., «Шпион во дворцах христианских принцев» в 16 томах, напечатанных в Кельне в 1715 г., «Путешествие Франсуа Кареала» в трех томах, вышедшее в Амстердаме в 1722 г. ⁸.

Кроме указанных необходимо отметить еще два очень ценных и редких издания. Одно из них, напечатанное в Голландии в 1634 г., — «История Тимура» Ахмеда ибн Арабшаха (на арабском языке) ⁹, другое, изданное в Париже в 1697 г., — «Восточная библиотека» ¹⁰. «История Тимура», переведенная тогда же на все европейские языки, считается второй печатной арабской книгой, поступившей в Императорскую библиотеку. Приобретение этого сочинения и других восточных рукописей свидетельствует о том, что литературе на восточных языках придавалось такое же значение, как и литературе о Востоке на западноевропейских языках. Петр I верил, что в недалеком будущем в России появятся свои ученые-востоковеды, которые будут изучать Восток, используя эту литературу. Исключительную ценность для будущих востоковедов представляла «Восточная библиотека», написанная известным ориенталистом Эрбело. Эта первая энциклопедия Востока, состоящая из 1032 страниц большого формата, является универсальным справочником по мусульманскому Востоку и содержит статьи по истории, политике, религии, морали, биографии ученых и политических деятелей, сведения о восточных языках, литературе, науках, книгах, законах, обычаях и т. д.

⁶ Там же, № 212 л. 2, 4, 5.

⁷ Там же, № 213, п. 5, 7, 8, 13, 15, 33.

⁸ Там же, № 255, л. 1 об., 2 об., 3, 5 об., 6, 8.

⁹ Там же, л. 4.

¹⁰ Там же, л. 2.

Ценные книги по ориенталистике были также и в книжном собрании Шафировва, переданном в библиотеку по распоряжению Петра I¹¹.

Таким образом, благодаря неустанной заботе Петра I из года в год из разных источников пополнялся фонд литературы о странах Азии и Африки. В нем были собраны все известные в то время произведения знаменитых западноевропейских путешественников и ученых-ориенталистов, постепенно накапливались восточные рукописи и печатные книги на восточных языках. Состав фонда определялся теми задачами, которые были поставлены Петром I перед Академией наук. Одной из задач ее было научное изучение истории, литературы и языков восточных народов. С этой целью в самом начале деятельности Академии наук (1725) из Германии был приглашен ориенталист Г. З. Байер (1694—1738). Ему было поручено возглавить кафедру восточных древностей и языков, которая должна была стать центром распространения востоковедческих знаний в России. К этому времени в Библиотеке Академии наук и Кунсткамере усилиями Петра I было накоплено достаточное количество книг и памятников материальной культуры и, кроме того, подготовлено некоторое количество переводчиков с восточных языков. Все это создавало благоприятные условия для изучения Востока.

Спустя восемь лет после смерти Петра I (в 1733 г.) появился даже проект учреждения Восточной академии [5, 203], автором которого был Георгий Яковлевич Кер (1692—1740), известный ориенталист, прибывший из Германии в январе 1732 г. по приглашению графа Остермана. В своем проекте Кер писал, что академия будет готовить ученых «по разным специальным знаниям Востока». Он упоминал до десяти петербургских ориенталистов и драгоманов, подготовленных стараниями Петра I, которые с успехом могли бы работать в проектируемой академии, указывал на наличие книжной базы для изучения Востока и т. д. Несмотря на то что проект Кера остался неосуществленным, само появление его свидетельствует о той большой предварительной работе, которая была проделана при Петре I по созданию условий для изучения Востока.

В петровское время еще не могла быть поставлена задача глубокого и всестороннего изучения Востока. В основном речь шла лишь о практическом знании Востока. Интерес к нему вызывался насущными потребностями русского государства. Для успешного выполнения политических и коммерческих задач Петр I считал необходимым прежде всего хорошо знать Восток, культуру, язык, обычаи восточных народов. По этим соображениям он впервые ввел в России обучение русских восточным языкам; люди, сведущие в восточных языках, нужны были ему не только для выполнения дипломатических поручений и ведения коммерческих дел, но и для административного управления районами, населенными восточными народами. При личном участии Петра I был создан первоначальный фонд восточной литературы, необходимой для изучения Востока, было положено начало собиранию восточных рукописей, монет и других памятников материальной культуры народов Востока. По указу Петра I была организована первая в России типография с арабским разборным шрифтом. Так заботами Петра I постепенно подготавливались условия для всестороннего научного изучения Востока в будущем.

---

¹¹ Там же, № 215, л. 1, 2 об., 3, 5 об., 6, 8. Все книги о Востоке, приобретенные при Петре I, хранятся и сейчас в Фонде редкой книги Библиотеки АН СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, Казань, 1882.
2. [Вандербех М.] Настоящее состояние просвещения в России, в послании изображенное Михаилом Шенудом Фандербехом,—«Сын отечества», ч. 1, 1842, № 1.
3. Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России,—«Труды 3-го международного съезда ориенталистов», т. I, СПб., 1879—1880.
4. ЖМНП, 1853, ч. LXXX, октябрь — декабрь, отд. 7.
5. ЖМНП, 1856, LXXXIX, февраль.
6. Записки Вебера,—«Русский архив», 1872, № 7.
7. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. 1, Л., 1955.
8. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения, т. 1. М.—Л., 1955.
9. Материалы для истории Императорской академии наук, т. 7, СПб., 1886.
10. Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1—2, СПб., 1862.
11. Пекарский П. Петербургская старина,—«Современник», т. 83, 1860, № 10.
12. Пятницкий В. К истории книгопечатания арабским шрифтом в Европейской России и на Кавказе,—«Публичная библиотека им. В. И. Ленина», сб. 1, М., 1928.
13. Савельев П. Восточные литературы и русские ориенталисты,—«Русский вестник», т. 2, 1856, отд. «Современная летопись».
14. Сгибнев А. Об обучении в России японскому языку,—«Морской сборник», т. ХСІХ, 1868, № 12 (неофициальный отдел).
15. Ульяницкий В. А. Исторический очерк русских консульств за границей,—«Сборник Московского главного архива МИД», вып. 6, 1899.
16. Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом, ч. 1. М., 1787.